

НОДАРИ СИМОНИЯ, АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ

Структурный кризис в США

Калейдоскопический и почти фантазмагорический поток событий последних лет буквально потряс мировое сообщество. Казалось, многие игроки на мировом пространстве поменялись ролями: померк образ еще недавно бесспорного общемирового лидера — Соединенных Штатов Америки, теперь превратившегося в самого крупного должника в мире, обвешанного всеми возможными дефицитами (бюджетного, текущего платежного и торгового балансов), с небывало высокой хронической безработицей, с ускорившейся тенденцией острого социального неравенства, сопровождающегося вымыванием «среднего класса» и балансированием на грани дефолта и фискального (бюджетного) «обрыва». С другой стороны, ряд стран «восходящей рыночной экономики» бьют рекорды по росту ВВП, располагают существенными валютными резервами, активно действуют на региональных и даже мировых рынках, и если страдают от разразившегося мирового кризиса, то преимущественно маргинально и косвенно, вследствие неурядиц и рецессии в развитых капиталистических странах Европы и Америки.

Все это дало толчок широким и многочисленным дискуссиям о дальнейшей судьбе капитализма, к которым сегодня подключились и такие ведущие экономические издания, как «Financial Times», «Bloomberg Businessweek», «The Wall Street Journal» и др. Причем характерно, что если в начале кризиса «Financial Times» затеяла публикацию серии статей под рубрикой «The Future of Capitalism» («Будущее капитализма»), то три года спустя эта газета сменила название рубрики на «Capitalism in Crisis» («Кризис капитализма»), сопроводив ее характерным логотипом в виде изображения товарного штрихкода, некоторые полосы которого наклонились в разные стороны или вовсе погнулись и как бы упали наземь.

Впрочем, большинство статей в этой рубрике не отличались ни глубиной анализа, ни хотя бы признанием самого факта структурного характера кризиса, что не удивительно, так как многие авторы занимали в свое время высокие посты (вплоть до должностей министров финансов в США и Великобритании) и были сопричастны процессу созревания мирового кризиса (Алан Гринспен, Джордж Осборн, Лоуренс Саммерс).

СИМОНИЯ Нодари Александрович — профессор МГИМО(У) РФ, академик РАН.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич — ректор МГИМО(У) РФ, академик РАН.

То же самое можно сказать и о статье главного экономического комментатора «Financial Times» Мартина Вульфа, в которой он перечисляет многие «ошибки» правительств, экспертов и бизнеса, нуждающиеся в срочном исправлении, чтобы капитализм продолжал существовать. Но, очевидно, М. Вульф не очень уверен в том, что его рекомендации будут выполнены, поэтому в заключение своей статьи он выразил убежденность, что, несмотря на несовершенство и современное кризисное состояние, капитализму свойственны природная гибкость, реактивность и инновационность, да и вообще он представляет собой «наиболее блестящее творение человечества»¹.

Многие обратили внимание на то, что на состоявшемся в конце января 2012 года Давосском форуме в Швейцарии тема кризиса капитализма впервые в истории форума вытеснила обычные обсуждения о благах, которые несет народам мира глобализация. Интересно, что в ходе Давоса в газете «International Herald Tribune» в редакционной рубрике выступил член британского парламента, лидер Лейбористской партии Эд Милибанд. Он отмечает, что в Давосе обсуждается необычный для этого форума вопрос: соответствует ли капитализм XX века обществу XXI века? Сам он отвечает на поставленный вопрос следующим образом: проблема не столько в том, соответствует ли существующий капитализм современному обществу, сколько в том, осмелятся ли политики бросить вызов существующей порочной экономической модели. Он наивно верит, что смена «правил капитализма» означает «смену правительства», и напомнил о том, что его Лейбористская партия недавно

выступила с лозунгом «более ответственного капитализма»². (Эд Милибанд, очевидно, запечатовал, что в 1997 году Тони Блэр триумфально привел Лейбористскую партию под знаменем «Третьего пути» к власти, но на протяжении более чем десятилетия Лейбористская партия не только не осмелилась бросить вызов «порочной модели капитализма», но и усердно помогала всем американским администрациям укреплять основы англосаксонской модели «либерального капитализма».)

В развернувшейся дискуссии участвовал и известный экономист, лауреат Нобелевской премии (2008 год) Пол Кругман, опубликовавший в «Financial Times» вместе с профессором Лондонской школы экономики Ричардом Лейардом «Манифест здравого экономического смысла», в котором авторы попытались дать «правдивый ответ» на вопрос о причинах кризиса и его сущности³. Думается, что все, кто читал обстоятельную книгу П. Кругмана «Кредо либерала», в которой он убедительно и доказательно подверг критике многие структурные изменения в социально-экономическом развитии США и пришел к выводу, что за последние три десятилетия страна вернулась к уровню неравенства, характерному для худших лет раннего индустриализма, а благами экономического роста в основном воспользовалось наиболее богатое меньшинство⁴, будут разочарованы, ознакомившись с чудотворным «Манифестом», главное содержание которого свелось к критике «тандема» (крупного частного бизнеса и правительств по обе стороны Атланти-

¹ См. «Financial Times». 23.01.2012.

² См. «International Herald Tribune». 28–29.01.2012.

³ См. «Financial Times». 28.06.2012.

⁴ См. П. Кругман. Кредо либерала. М., 2009.

ки) в проведении политики жесткой экономии за счет сокращения инвестиционной активности, дефицита и задолженности.

Впрочем, некоторые комментаторы, поучаствовавшие в рубрике «Капитализм и кризис», умудрились практически ничего не сказать о развертывающемся сегодня структурном кризисе капитализма. Наглядным примером такого плохо замаскированного ухода от ключевой темы является статья Джона Кея под названием «Когда капитализм и собственно корпоративные интересы приходят в противоречие». Фактически автор свел все дело к обсуждению тезиса о «креативной деструкции», выдвинутому Джозефом Шумпетером (американский экономист, выдающийся апологет монополий), и подтверждению этого тезиса современными примерами инновационного подрыва устоев бизнеса многих крупных корпораций. Очевидно, для большей солидности, Дж. Кей сослался на то, что, несмотря на противоположное марксизму отношение к капитализму, Шумпетер разделял убеждение К. Маркса, что «креативный деструктивизм» присутствовал «в самом сердце капитализма»⁵. (В действительности автор «Капитала» в конце первого тома, в параграфе «Историческая тенденция капиталистического накопления», заключает: «Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной соб-

ственности. Экспроприаторов экспроприруют»⁶.)

Впрочем, К. Маркс сегодня во многих развитых капиталистических странах снова вошел в моду. Даже журнал «Bloomberg Businessweek» в одном из своих номеров 2011 года посвятил его наследию двухстраничную статью с портретом К. Маркса в современном костюме. Но, очевидно, для того, чтобы у читателей не возникло никаких подозрений относительно позиции редакции, статье предпослан эпиграф: «Экономический кризис сделал идеи философа вновь актуальными, но мир не должен забывать, что Маркс ошибся»⁷. Автор статьи, собственно, и начал с того, что главное предсказание Маркса не сбылось — не было никакой диктатуры пролетариата. Сэтим утверждением трудно не согласиться; Маркс был великим политэкономом, но он скончался до того, как капитализм вступил в свою монополистическую фазу и тем более до современного уровня научно-технического прогресса. Реальность того времени еще не давала намека на перспективу возникновения того социального слоя, который наши современники называют «креативным классом»⁸ (об этой и других «ошибках» К. Маркса — несколько позже).

Но мода есть мода, и автор статьи — Питер Кой вынужден признать, что у К. Маркса сегодня появилась новая когорта «поклонников». И действительно, официоз Ватикана «L'Osservatore Romano» опубликовал статью, в которой воздает должное марксову анализу социального неравенства. Удивительно, продолжает П. Кой, что «вам не нужно спать в

⁶ К. Маркс. Капитал. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 773.

⁷ «Bloomberg Businessweek». 19—25.09.2012. P. 10.

⁸ См. «Свободная Мысль». 2012. № 7/8. С. 139.

⁵ См. «Financial Times». 25.01.2012.

майке с изображением Че Гевары или закидывать камнями Макдоналдс», чтобы признать: мысли Маркса заслуживают изучения и, может быть, даже применения в преодолении стоящих перед нами вызовов. Многие известные сторонники капитализма делали это: в прошлом — Джозеф Шумпетер, ныне — экономист Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини или главный экономический советник лондонского отделения крупнейшего швейцарского банка UBS Джордж Магнус. Однако в заключение Кой приводит убаюкивающий тезис: каждый раз, когда в прошлом возникал очередной кризис капитализма, находились талантливые люди (в Великобритании — Джон Мейнард Кейнс, в США — Хайман Мински), которые ставили правильный диагноз, и капитализм излечивался. «Настало время для очередной вспышки возрождения», — завершает свой опус П. Кой⁹.

На фоне такого оживления в западных изданиях и дискуссиях о судьбах капитализма удручающее впечатление производит запоздалая и довольно поверхностная реакция в нашем научном сообществе¹⁰. Думается, одна из главных причин этого заключается в том, что в ряду многочисленных жертв, которые в течение двух последних десятилетий выпали на долю нашей фундаментальной науки, не последнее место занимает *политэкономический анализ формационного развития*. Известный российский экономист, президент

компании экспертного консультирования «Неокон» Михаил Леонидович Хазин в своем интересном интервью в журнале «Мир и политика» на вопрос о каких-либо теоретических разработках по развивающимся на наших глазах кризисным процессам ответил: «Если говорить о теориях, то их нет, есть лишь “общие слова”. И это основная проблема современного “экономического мейнстрима”... “Экономический мейнстрим”, во всяком случае, к науке никакого отношения не имеет точно». И далее Хазин напомнил грустную историю: «Еще в XVIII веке Адам Смит ввел понятие “политэкономия” и дальше вплоть до Карла Маркса научная мысль развивалась в этом ключе. Маркс был действительно великим экономистом и внес выдающийся вклад в развитие политэкономии... [Но] после развала СССР политэкономия в бывшем “лагере социализма” и в рыночно-демократической России постарались вычеркнуть из научного обихода и учебного процесса. В 1990-е годы почти все российские вузы, преподававшие ранее политэкономия, получили приличные гранты на написание курсов “экономикс”. Деньги были благополучно освоены, и очень скоро везде перешли на преподавание именно “экономикса”»¹¹.

¹¹ «Мир и политика». 2012. № 6. С. 9. В общем и целом с этой точкой зрения совпадает и оценка ситуации, высказанная другим известным экономистом — Никитой Кричевским: «Начнем с того, что собственной экономической школы у нас фактически нет (не считать же таковой политэкономия социализма). Помимо этого, многих потенциальных ученых страна потеряла либо в разлухе 90-х, либо во время культа потребления нулевых. И в довершение... большинство наличествующих т. н. экономистов (не по должности, а по роду научной деятельности) на проверку оказываются обыкновенными “эстрадниками”, артистами разговорного жанра, либо выполняющими пожелания государственных и корпоративных заказчиков, либо развлекающими обывателя “алармистскими” шлагерами» («Московский комсомолец». 25.09.2012).

⁹ См. «Bloomberg Businessweek». 19–25.09.2011. P. 11.

¹⁰ Редкое исключение составляют представители «критического марксизма» и единичные члены академического сообщества, м. которые и до нынешнего кризиса занимались серьезным исследованием современного капитализма. См., например: **А. В. Бузгалин, А. И. Колганов**. Глобальный капитализм. М., 2004, 2007; **они же**. Пределы капитала. М., 2009; **они же**. Эксплуатация XXI века. — «Свободная Мысль». 2012. № 7/9.

Но почему же все-таки так легко удалось похоронить политэкономическую науку в «независимой» России? Мы все помним, что, когда ВАК попытался исключить философию из списка аспирантских экзаменов, развернулась бурная полемика в прессе, и философы отстаивали свою науку. Думается, что в случае с политэкономией по крайней мере два фактора сыграли решающую роль: во-первых, оправданное негативное отношение к сталинской «политэкономии социализма», бывшей пародией и полнейшим искажением марксистского учения; а во-вторых, тот факт, что быстро набиравшая силу бюрократическая буржуазия не нуждалась в политэкономическом анализе капитализма вообще и в изучении сути своей паразитической деятельности — в частности. Вот эти и некоторые другие обстоятельства во многом объясняют наши довольно поверхностные блуждания в поисках причин происходящих в мире изменений в соотношении сил, в выяснении характера структурных сдвигов в высокоразвитых и развивающихся странах мира.

Отсутствие научных школ и «полная свобода творчества» приводят к появлению обильной хаотической и самодеятельной псевдонаучной продукции. Одним из последствий этого является либо беспорядочное, либо, наоборот, ритуальное использование терминов (глобализация, модернизация, инновация и т. п.), чаще всего без учета их понятийного содержания. В результате чего мы фактически столкнулись с *понятийным кризисом*, с отсутствием главного инструмента, без которого невозможна коммуникация в научном сообществе, да и само это сообщество. В связи с этим, прежде чем излагать наши представления о структурных сдвигах в мировом капитализме, характере глубокого кризиса, охватившего прежде всего развитые капиталистические страны, наши соображения о сути процессов глобализации, ее реальных масштабах на данном этапе развития человечества, подлинном соотношении экономических сил в мировой экономике, мы решили начать с предложения общетеоретической схемы формационного развития капиталистической формации, дав пояснительный комментарий к ней.

Общетеоретическая схема формационного развития капитализма

ПБР			МГ			ППКО	
АГ	А	БГ	БД	СР	А	ПКО	
ФБС		БФС	ЧК	КПКС			

Условные обозначения

А — агония;

АГ — абсолютистская государственность;

БГ — бонапартистская государственность;

БД — буржуазная демократия;

БФС — буржуазно-феодальный синтез;

КПКС — капиталистический/посткапиталистический синтез;

МГ — монополистическая государственность (умирание капитализма);

ПБР — политическая буржуазная революция;

ПКО — посткапиталистическое общество;

ППКО — переход к посткапиталистическому обществу;

СР — социал-реформизм;

ФБС — феодально-буржуазный синтез (зарождение капитализма);

ЧК — частнохозяйственный капитализм (развитой капитализм).

Подчеркнем, что наши соображения не претендуют на роль истины в последней инстанции. Мы хотели бы лишь обозначить платформу и рамки для разумного, плодотворного и творческого разговора на животрепещущие проблемы современного мира и, может быть, очистить наши представления о них от всевозможных мифов, сотворенных в последние десятилетия как за рубежом, так и в нашей собственной стране. Ведь до сих пор многие граждане нашей страны задаются вопросами: куда мы идем? какова наша стратегия общественного развития? Но слишком много влиятельных сил не желают обсуждения этих вопросов.

Комментарий

1. Капиталистический уклад *зародился* в недрах третьей фазы феодализма — после того как на смену феодальной демократии с ее раздробленностью и бесконечными распрями возникла абсолютистская государственность. Последняя принесла в общество не только политическую централизацию, создав регулярную армию и подчинив феодалов королевской власти, но и централизацию социально-экономическую, создав *предпосылки* для будущего капиталистического развития — внутренний рынок, единую (национальную) валюту, регулярную внешнюю торговлю и т. п. Наряду со старой классовой антитезой «феодалы vs. крестьянство», возникло «третье сословие» — представители зарождающегося капиталистического уклада, который существовал пока в феодальной оболочке. Но на завершающем этапе этой фазы абсолютистская власть стала опасаться растущей силы и влияния «третьего сословия» и начала всячески чинить препятствия его дальнейшему росту (этап агонии феодализма на стадии

высшего его расцвета¹²). В итоге политическая революция для устранения этого препятствия превратилась в объективную необходимость.

Все эти процессы довольно подробно анализируются в ранних рукописях и последующих публикациях К. Маркса. Более того, общая идея *зарождения* новой формации в недрах старой составляет главный вывод в его «Капитале». Тем не менее почему-то Маркс проигнорировал другую закономерность в процессе смены формаций, а именно: ни один из угнетенных классов прежних формаций не стал (да и не мог стать) гегемоном в процессе становления и развития новой формации (ни рабы, ни крестьяне феодальной эпохи). В случае же с пролетариатом Маркс и Энгельс решились сделать исключение.

Можно предположить, что это было сделано по ряду обстоятельств. Во-первых, Маркс и Энгельс были не только учеными, но и революционерами. Они создали I Интернационал и активно участвовали в его работе. Во-вторых, в ту эпоху, кроме рабочего движения, они не могли опереться ни на какую другую социальную силу. (Хотя в переписке с наиболее доверенными последователями они полностью отдавали себе отчет в степени незрелости и неготовности к обладанию политической властью.)

2. После успешной политической революции начинается длительная фаза *становления* капитализма. В этой фазе вышедшему из недр фе-

¹² Это понятие «агонии» — диалектически противоречивого феномена заключительного этапа формационного развития, в котором наивысший расцвет производительных сил общества сочетается с процессом формационного «умирания», — почему-то нелегко дается пониманию большинства наших ученых и экспертов (может быть, под глубоким впечатлением от сравнения нашей страны с западным миром).

одализма становящемуся капитализму предстояло трансформировать все доставшееся от феодальной эпохи наследие, перестроить все общество по образу и подобию своему. То есть эта фаза раннего капитализма и первоначального накопления, по существу, была синтезом буржуазного и феодального, но теперь уже при доминирующей капиталистической тенденции. При этом и государственность была переходного типа — *бонапартистского*. Название, конечно, условное, в некоторых случаях могли быть и реставрационные режимы, но суть была одна — диктатура, которая покоится на противостоянии двух антиподов, но объективно по-своему вынуждена сохранять и расчищать путь для капиталистического развития.

Все сказанное выше блестяще описано и проанализировано в многочисленных трудах и публикациях К. Маркса и Ф. Энгельса. Тем не менее для данной публикации очень важно подчеркнуть один политэкономический аспект в фундаментальном анализе динамики капиталистической формации, имеющий непосредственное отношение и современному развитию капитализма, но очень часто игнорировавшийся советскими политэкономистами (не говоря уже о современных экономистах). Речь идет о понятии «непосредственно общественный труд» (НОТ). Маркс показал в «Капитале», в частности, как расширяются рамки НОТ на протяжении всего развития капиталистической формации при переходе от кооперации и мануфактуры к фабричному, а затем и монополистическому производству.

3. Только во второй фазе наступают полная победа частнохозяйственного капитализма и рождение на этой базе (тоже весьма постепенное) парламентской демократии,

«шлифуемой» вплоть до наступления третьей фазы. Уже из этого бесспорного исторического факта очевидна нелепость политики *вестернизации*, навязываемой Западом развивающимся и переходным странам. Ведь Англии после великой буржуазной революции потребовалось 180—190 лет, чтобы прийти к более или менее полноценному парламентаризму; а Франции, имевшей перед глазами английский опыт и прошедшей через «горнило» Парижской коммуны, — 80 лет.

Как будто забыв о своей собственной истории, Запад стал требовать от догоняющих стран и «нормального» развития капитализма, и политической демократии западного же образца. Как-то быстро подзабыли западные политики, экономисты и социологи и о таком важнейшем историческом факте, что с переходом в Европе к фабричному производству развернувшаяся промышленная революция потребовала регулярных поставок сырья из зарубежных стран и обширных рынков сбыта. Поэтому на смену заморской купеческой торговле и торговым факториям пришли колониальные завоевания и формирование системы «метрополия — колония» (своеобразная индустриальная интернационализация мирового производства и рынка). Так что совершенствование политической буржуазной демократии в метрополиях совмещалось с усилением эксплуатации народов колоний и полукolonий.

4. В третьей фазе капиталистической формации вследствие имманентно присущих всякому капитализму свойств — конкуренции, концентрации и централизации капитала — происходит нарушение органической целостности капиталистического общественно-производственного организма, нарушение

его «однородности». Наряду с традиционным частнохозяйственным капитализмом возникают *монополии* (новый уровень расширения рамок НОТ). Именно это потребовало усиления относительной самостоятельности государства, которое, чем дальше, тем сильнее проявляло авторитарность. Конечно, уровень развития гражданского общества был более высоким, нежели в предшествующих фазах, но и государство совершенствовалось в умении скрывать свою растущую авторитарную сущность за фасадом парламентаризма. На первых этапах третьей фазы правящие круги понимали, что неограниченный рост монополий может быстро привести к олигопольному правлению небольшой кучки людей, то есть к ситуации, чреватой дестабилизацией и потрясениями в обществе. Отсюда антиресторовские законодательства, создание регулирующих комиссий и вообще социально-реформистская политика. Отсюда же и поощрение роста «среднего класса» в качестве «оплота демократии». То есть, вопреки официальной пропаганде и утверждениям либеральных экспертов, происходило *систематическое вмешательство государства* в формационное развитие капитализма.

Но на позднейших этапах третьей фазы все явственнее проступали признаки «агонии» — наподобие конца третьей фазы феодализма (естественно, на другом уровне исторического развития), а именно: некоторые имманентно присущие черты традиционного капитализма стали превращаться в свою противоположность. Финансовая система перестала выполнять свою функцию обслуживания реальной экономики и занялась спекуляциями деривативами, биржи уступили натиску внебиржевых спекулятивных сделок, в результате чего

последствия практически стали неконтролируемыми, произошло практически полное сращивание спекулятивного финансового капитала с верхушкой соответствующей части бюрократического государственного аппарата и т. д. и т. п. Государство уже не вмешивалось в процесс стремительного вымывания «среднего класса», и впервые массовые протестные движения проходят под лозунгом «Займем Уолл-стрит!». И все это происходит на фоне появления принципиально новых производительных сил инновационно-технологического (ИТ) уклада, а вместе с тем и зарождения своеобразного «третьего сословия» — *креативного класса*, «провозвестника» будущего нового общества.

Возникновение новых производительных сил и ИТ-уклада, в отличие от всех предшествующих фаз капиталистической формации, имеет необычайно важную специфическую особенность: их зарождение в какой-либо одной стране (в данном случае в США) отнюдь не означает, что будущий прорыв в новое общество произойдет именно в этой стране. Дело в том, что в отличие от индустриальных производительных сил ИТ-уклад вследствие своей природы, имманентно присущего ему *глобализма* (информационные технологии в современном мире трудно удержать в рамках национальной монополии), создает возможности для организации НОТ в традиционных рамках, но пока только в виде анклавов в недрах мировой экономики индустриального типа¹³.

¹³ К сожалению, термин «глобализация» сплошь и рядом встречается в сотнях и даже тысячах отечественных и зарубежных публикаций, искажая подлинную сущность и реальные масштабы этого феномена. Процесс глобализации находится сегодня на самых ранних стадиях своего развития.

Таким образом, процесс интернационализации мирового рынка индустриального типа, неоднократно отмечаемый К. Марксом, дополнился в наше время новой струей глобальной интернационализации (или просто глобализацией). Это расширение ИТ-уклада за пределы национальных рамок происходит и через механизм *аутсорсинга* (получивший широкое распространение в последние годы), и путем внедрения международными корпорациями ИТ в расположенные за тысячи километров в других странах свои зарубежные филиалы, так что операционное руководство производственным процессом и содействие в разрешении трудных внезапно возникших и непредвиденных производственных проблем становится возможным в *рамках реального времени*. Развитие подобных транснациональных структур НОТ пока не носит, естественно, всеобщего характера и не отличается

стопроцентной стабильностью. Они не застрахованы ни от геополитических рисков, ни от природных катаклизмов (цунами в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии могут нарушить поставку чипов или запасных частей на сборочные предприятия в Европе или США).

И последнее. После Второй мировой войны в результате роста национально-освободительных движений и революций в течение нескольких десятилетий происходил демонтаж колониальной системы «метрополия — колония». Появились десятки и десятки политически независимых

государств. Но старое разделение труда невозможно было изменить разом. В переходный период, справедливо названный неокOLONИализмом, монополистический капитал развитых капиталистических стран стал формировать МНК — многонациональные корпорации. Вплоть до возникновения в 1970—1980-х годах ИТ-уклада и внедрения в МНК ИТ, последние оставались компаниями индустриального типа, так как они просто переносили в развивающиеся страны свои филиалы с производительными силами индустриального типа. Вот это суще-

Современный кризис в США не является проявлением «ординарного» циклического кризиса капитализма.

Мы имеем дело в данном случае с новым феноменом — структурным кризисом последнего этапа третьей фазы формационного развития капитализма в США.

ственное различие между старыми МНК и трансформированными ТНК (транснациональными корпорациями, работающими на основе ИТ) часто игнорируется в работах, посвященных международным корпорациям. В итоге получается переоценка международной активности крупных корпораций (например, российских) за рубежом.

После этих предварительных замечаний перейдем теперь к главной теме о структурном кризисе в США.

Современный кризис в США не является проявлением «ординарного» циклического кризиса капитализ-

ма. Мы имеем дело в данном случае с новым феноменом — *структурным* кризисом последнего этапа третьей фазы формационного развития капитализма в США. Однако поскольку Америка является лидером не только в рамках англосаксонской модели, но и всей мировой капиталистической экономики, то ее кризис приобретает черты глобальности. В самих США этот кризис знаменует вступление в этап «агонии» (по представленной ранее схеме). Еще раз подчеркнем: это условное обозначение формационного этапа не означает одномоментного исторического явления, срок которого может быть растянут во времени именно из-за того, что он развивается в наиболее развитой стране. Опираясь на высочайшие научно-технические и формационные достижения, элита этой страны обладает отточенным умением манипулировать общественным мнением, искусно использовать сложившиеся среди населения массовые стереотипы для оттягивания на значительный исторический срок вступление страны на этап становления новой постиндустриальной экономики¹⁴.

В чем же проявляется в современной Америке этот формационный этап?

В самой сжатой и краткой форме ответ на этот вопрос заключается в том, что в общественно-производственном организме США произошли важные, принципиальные

сдвиги, в результате которых администрация, крупный бизнес и элита общества в целом оказались перед лицом столь масштабных вызовов, на которые они до сих пор не могут найти адекватного ответа. Ниже перечислены наиболее существенные из этих сдвигов.

Самым главным фактором рассматриваемого этапа формационного развития, который и обусловил все последующие принципиальные сдвиги в США, является появление в недрах традиционного высокоиндустриального общественно-производственного организма страны нового *информационно-технологического уклада* (ИТ-уклада), основанного на компьютеризации и интернетизации. Условной точкой отсчета в этом смысле можно полагать 1971 год, когда корпорация «Интел» разработала интегрированную схему — компьютерный чип, положивший начало широкому распространению информационных технологий.

Возникновение ИТ-уклада в США прошло ряд этапов. На этапе *зарождения* (послевоенный период вплоть до начала 1970-х годов) это был «уклад в себе» — анклав, изолированный (даже географически — Кремниевая долина) от остального массива высокоиндустриализированной экономики США. На этапе *становления* в качестве одной из активнейших структур американской экономики (начиная с 1970-х годов) этот уклад начал стремительно проникать сначала в наиболее «удобные», легкодоступные и восприимчивые сферы услуг — связь, финансы, торговля. Труднее протекло это проникновение в промышленность, отягощенную массивными капитальными инвестициями. Но когда ИТ-уклад сформировался, и над ним даже возникла собственная виртуальная надстройка — бир-

¹⁴ Можно прогнозировать, что реальный прорыв в постиндустриальное общество, в поэтапное раскрепощение непосредственно общественного труда (НОТ) в соответствии с общеформационной закономерностью произойдет не в эпицентре старого формационного развития, а на периферии (как это произошло при переходе к феодализму или к самому капитализму), и возможно, это будет происходить в странах Северной Европы (скажем, скандинавских государствах).

жа «НАСДАК» (NASDAQ), то Америку (впрочем, как всегда) захлестнула волна всеобщей эйфории. Значительная часть экономистов и СМИ об американской экономике иначе как о «новой» и «постиндустриальной» не писали (что и сейчас не соответствует действительности). В результате такого ажиотажа на виртуальной площадке «НАСДАК» в 1990-х годах стал надуваться огромный «пузырь», который в 2001 году благополучно лопнул.

Но это был не общеамериканский экономический, а внутриукладный кризис. Гораздо важнее и опаснее была тенденция нарастания и углубления противоречивости и образования *дуализма* социально-экономической структуры американского общества, а именно — противоречия между новым ИТ-укладом и ставшими уже традиционными секторами индустриальной части экономики. Эта противоречивость была *диалектической*: с одной стороны, возникновение, становление и расширение ИТ-уклада объективно выражало прогрессивную сторону формационного развития Америки; но с другой — этот прогресс сопровождался деградацией традиционно-индустриальных секторов, а миллионы и миллионы занятых в этих секторах работников вместе с их семьями оказались за гранью цивилизованной и достойной жизни. Процесс этот получил название *деиндустриализации*.

Подчеркнем: этот процесс начался и назревал задолго до сегодняшнего кризиса. Только за последние двенадцать лет в секторе обрабатывающей промышленности было сокращено рабочей силы — 31 процент, или около 6 миллионов человек. В результате вклад этого сектора в ВВП США, составлявший 22,7 процента в

1970 году, упал в 2011-м до 12,2 процента¹⁵.

Конечно, если бы расширение ИТ-уклада полностью происходило за счет поглощения традиционных секторов, то такое дуалистическое структурное противоречие быстро бы изжило себя. Но в том-то и дело, что ИТ-укладу не нужны старые производительные силы (ни в их физической, ни в человеческой форме), а стремительно растущая производительность труда требует, во-первых, меньшего числа работников и, во-вторых, высококвалифицированных «белых воротничков». Поэтому сегодня в США образовался еще один искусственный парадокс — при огромном, многомиллионном числе безработных существует острый дефицит квалифицированных работников. Причем крупным корпорациям все равно, где искать этих работников — в национальных рамках либо за рубежом.

Кстати, ключевую роль в рождении феномена деиндустриализации играет то обстоятельство, что возникновение ИТ-уклада привело к относительному «раскрепощению» самого капитала. В эпоху традиционного индустриализма крупные предприятия и монополии всегда были озабочены сохранением своих производственных секретов и стремились к обособленности по части более полной обеспеченности своими собственными сервисными подразделениями и контролем над смежными производствами. Это, конечно, удорожало издержки производства, но полная технологическая секретность, безопасность и непрерывность производственного процесса были для бизнеса дороже. Для ИТ-уклада (при

¹⁵ См. «Bloomberg BusinessWeek». 10–16.09.2012. P. 14.

сохранении определенного уровня технологической секретности) все же стало важнее сокращение издержек производства через информационный механизм *аутсорсинга*, что неизбежно вело к расширению рамок НОТ, причем не только в национальных, но и транснациональных рамках.

Аутсорсинг помогает крупному капиталу решать свои кадровые проблемы, перенося производство туда, где рабочая сила дешевая и/или беззащитная. Вот несколько наглядных примеров. Знаменитая «Дженерал моторс» продает больше машин в Китае, чем в США. На ее предприятиях в КНР занято 32 тысячи постоянных рабочих, а в Штатах — лишь 52 тысячи, в то время как в 1970 году на эту корпорацию работало в Америке 468 тысяч человек. Корпорация инвестировала 250 миллионов долларов в создание в Китае современного технологического центра, специализирующегося на производстве электробатарей и других альтернативных источников энергии¹⁶. Между прочим, три года тому назад «Дженерал моторс» обанкротилась в США и, как писал журнал «The Economist», только финансовая поддержка федерального правительства спасла корпорацию от «свалки металлолома». После «драматической реструктуризации» финансы корпорации приобрели более или менее достойный вид. К тому же напуганный перспективой банкротства профсоюз «Объединенных авторбочих» пошел на невиданные до тех пор уступки и подписал с руководством корпорации четырехлетнее соглашение по зарплате. По этому соглашению корпорация получила право нанимать тысячи но-

вых работников «второго эшелона», которым она стала платить вдвое меньшую зарплату по сравнению со старым контингентом работников. При этом она предложила большей части старого контингента (любому из 48,5 тысячи работников) разовую сумму в 5 тысяч долларов и еще около 4 тысяч — в рассрочку в течение четырех лет в случае согласия на досрочный выход на пенсию. Соглашением предусмотрено провести в 2015 году очередные переговоры о пересмотре зарплаты. Общий итог всех этих манипуляций был следующим: если в 2007 году средняя почасовая зарплата в «Дженерал моторс» была самой высокой среди трех американских автогигантов и зашкаливала за 70 долларов, то в 2011-м она понизилась до чуть более 50 долларов (то есть стала ниже, чем у «Форда»)¹⁷.

А вот пример еще одного гиганта американской индустрии — «Дженерал электрик». В 2010 году прибыли этой корпорации составляли 14 миллиардов долларов, из которых только 5,1 миллиарда долларов было получено в самих США. В марте 2011-го в стране разразился громкий скандал в связи с публикацией в «Нью-Йорк таймс» статьи, сообщавшей, что в 2010 году корпорация получила от правительства льготу — налоговые вычеты в размере 3,2 миллиарда долларов. К этому времени подоспело и исследование «White and Bloomberg News», в котором отмечалось, в частности, что правительство установило для «Дженерал электрик» самую низкую эффективную ставку налога среди 33 крупнейших индустриальных компаний мира. Пресса критиковала корпорацию за то, что она сократила в 2002 году число своих

¹⁶ См. «International Herald Tribune». 30.07.2010.

¹⁷ См. «The Economist» 24.09.2011. P. 77.

работников в самих Соединенных Штатах на 20 процентов, в то время как общая сумма полученных с тех пор прибылей возросла с 15 до 92 миллиардов долларов¹⁸.

Однако не только высокотехнологичные промышленные корпорации, которые уже «втянулись» в ИТ-уклад, но и корпорации собственно ядра ИТ-сектора устремились за рубеж в желании оптимизировать свой бизнес через механизм аутсорсинга за счет как дешевизны квалифицированных работников, так и доступа к обширным рынкам для своей продукции. Ведь к 2000 году издержки в США, связанные со стремительным ростом зарплаты персонала в ИТ-секторе и расходов на здравоохранение¹⁹, с одной стороны, и открытие китайской экономики, связанное со вступлением этой страны в ВТО, с другой, побудили американские ИТ-корпорации к перенесению части производственных процессов и даже сегмента инжиниринга сначала на Тайвань, а позже и на материковый Китай. В итоге в 2000 году в США закрылось 49 фабрик по производству чипов, а в производстве компьютеров в 2010 году было занято около 166 тысяч человек, то есть в разы меньше, чем в 1975 году, когда был собран первый персональный компьютер «MITS Altair 2800». За это же время в Азии возникла индустрия по производству компьютеров, в которой трудилось 1,5 миллиона че-

ловек. Разумеется, это были, по существу, не национальные предприятия, а составные части глобальной системы НОТ, которые производили для крупнейших западных ИТ-корпораций компоненты: компьютеры (для «Дэлл» и «Хьюлетт Пакард»), сотовые телефоны (для «Нокиа») и другие технологические изделия для «Майкрософт» и «Интел». В Китае на производстве технологических изделий для корпорации «Эппл» работает 250 тысяч человек, то есть в разы больше, чем в самих Соединенных Штатах²⁰.

Кстати, «парадокс» с «Эппл» заключается в том, что корпорация считается сегодня крупнейшей в США по рыночной капитализации. Но в Америке на ее предприятиях занято всего 43 тысячи человек, вообще же по миру на «Эппл» в общей сложности работает 700 тысяч. Как говорил по этому поводу лауреат Нобелевской премии, американский экономист Пол Кругман, «к сожалению, почти ни один из этих людей не живет в Америке»²¹. Но не все «из этих людей» работают и в зарубежных филиалах корпорации «Эппл». (Так же, как и не все поставщики по аутсорсингу других американских и ИТ-корпораций являются их филиалами.) Все дело в том, что аутсорсинговая экспансия американских ИТ-корпораций породила еще один феномен — своеобразное «компрадорство XXI века». Индийцы и тайваньцы, работавшие в Кремниевой/Силиконовой долине в корпорациях «Интел», «Майкрософт» и др. и завязавшие там тесные связи, впоследствии вернулись на родину и создали у себя сервисные ИТ-центры (Иногда их неправомерно называют «силиконовыми долинами»).

¹⁸ См. интервью руководителя «Дженерал электрик» Джеффри Иммельга газете «Ведомости» (см. «Ведомости». 11.08.2011).

¹⁹ А. Гроув (Andy Grove), старший советник корпорации «Интел», занимавший в ней посты исполнительного менеджера или председателя (1987—2005), подсчитал, что в первые годы существования Кремниевой долины создание одного рабочего места обходилось в несколько тысяч долларов, тогда как сегодня — в несколько сотен тысяч долларов (см. «Bloomberg Business Week». 5—11.07.2010. P. 51).

²⁰ См. «Bloomberg Business Week». 5—11.07.2010. P. 50—54; см. также «Financial Times». 28.01.2011.

²¹ «International Herald Tribune». 28—29.01.2012.

Одна из первых основанных на Тайване компаний такого рода — «Hon Hai Precision Industry Co.» (более известная как «Foxconn») превратилась в крупную мировую корпорацию по производству электроники, строящую сегодня свои предприятия во многих индустриализирующихся развивающихся странах. А после вступления Китая в ВТО и особенно после открытия материкового Китая для тайваньских инвестиций «Foxconn» построила там несколько предприятий по производству чипов, выведя, таким образом, Китай на второе место после «Интел». Другая тайваньская компания «Semiconductor Manufacturing Co.» была создана позже, в 1987 году, и стала специализироваться на производстве компьютерных чипов²².

Но по предоставлению услуг в рамках общего бизнес-аутсорсинга настоящим мировым хабом стала Индия. Первые две «кремниевые долины» возникли возле Мумбаи (бывший Бомбей) — «Infosys» и «Wipro»; позднее к ним присоединилась и быстро вышла на первое место дочерняя компания одной из крупнейших монополий Индии «Tata» — TCS («Tata Consultancy Services»). Сегодня на эту тройку работает 500 тысяч человек, зарплата которых составляет 40 процентов от продажи сервисных услуг в размере 157 миллиардов долларов. По уже заключенной 1 тысяче контрактов на будущие пять лет выручка составит 200 миллиардов долларов.

Однако в основном эти компании представляют собой анклав, не связанные органически с национальной экономикой Индии. Так, на США и Европу приходится четыре пятых всех услуг, предоставляемых этими компаниями. Например, «Infosys» 64 процента своих доходов

получает из США и только 2 процента — из Индии. Даже доходы TCS от аутсорсинга наполовину зависят от зарубежных клиентов²³. Фактор дешевой рабочей силы в процессе аутсорсинга имеет, конечно, свои временные рамки. По мере роста этого бизнеса изменяется ситуация на рынках труда в Индии и Китае; повышается зарплата местных работников, и международные корпорации, привыкшие к огромному спрэду, начинают постепенно перемещать бизнес аутсорсинга во Вьетнам, Бангладеш, Пакистан, Филиппины уже обогнали в 2011 году Индию по одной из разновидностей (более низкого уровня) аутсорсинга.

Но не надо думать, что феномен аутсорсинга касается только взаимоотношений международных корпораций с индустриализирующимися развивающимися странами. В некоторых случаях, особенно если вынос производственных цепочек за рубеж нежелателен по геополитическим соображениям, корпорации могут найти аутсорсинговые «лазейки» и в собственных национальных рамках. Наглядным примером может служить американская самолетостроительная корпорация «Боинг», предприятия которой базируются в северо-западном штате Вашингтон (город Сиэтл). В начале 2011 года эта корпорация решила построить филиал на противоположном побережье Америки в пригороде Чарльстона в Южной Каролине (не путать с одноименным административным центром штата Западная Вирджиния), на котором занято 4 тысячи рабочих. В этом штате 18,3 процента населения живет за чертой бедности, а удельный вес безработных составлял в 2011 году 11,1 процента по сравнению с общенациональным

²² См. «Bloomberg BusinessWeek». 9—15.07.2012. P. 32.

²³ См. «Financial Times». 25—26.01.2012.

показателем 9,1. Но не забота о благосостоянии населения побудила руководство «Боинга» принять это решение, а стремление воспользоваться беззащитностью рабочих в Южной Каролине, относящейся к той группе преимущественно южных штатов Америки, в которых действуют анти-профсоюзные законодательства²⁴.

Кстати, эту «лазейку» летом 2012 года попыталась использовать и европейская авиакорпорация «Airbus» в еще одном подобном штате — Алабаме. Корпорация объявила о планах построить в этом штате свой филиал (корпорация имеет свои предприятия по строительству «A-320» в Германии, Франции и Китае)²⁵. В обоих упомянутых штатах уже обосновались такие зарубежные автофилиалы корпораций, как «BMW», «Toyota», «Mercedes-Benz» и др., создавая конкуренцию большой американской «тройке» в Детройте.

Необходимо подчеркнуть, что, являясь следствием возникновения ИТ-уклада, аутсорсинг «унаследовал» характерную для этого процесса диалектическую противоречивость. С формационной точки зрения аутсорсинг является прогрессом. Он создает большой простор для НОТ как в национальных рамках, так и в трансграничном пространстве, в частности

вовлекая экономики развивающихся стран в процесс модернизации. С другой стороны, этот феномен развивается в оболочке частного капитала, а в условиях англосаксонской либеральной модели и при отсутствии сильной регулирующей роли государства, ограничивающей чрезмерный и эгоистичный космополитизм ТНК, аутсорсинг приводит к разрушительным социально-экономическим последствиям внутри национальной экономики США.

Получая значительную долю своих прибылей за рубежом, ТНК прячут свои прибыли от американского налогообложения и тратят их за рубежом, поглощая или инвестируя в подешевевшие за кризисные годы активы. «Bloomberg» приводит подсчеты, согласно которым только *нефинансовые* корпорации Америки, входящие в список «Standard & Poor's» (500-stock index), накопили за пределами своей страны в оффшорах 780 миллиардов долларов. За семь месяцев 2011 года они потратили 174 миллиарда на покупку иностранных активов. «Bloomberg» приводит любопытное сопоставление зарубежных и домашних активов американских ИТ-корпораций за 2010 год. Вот некоторые из них (в миллиардах долларов)²⁶:

Корпорация	Оффшорные наличные активы	Домашние активы
Apple	47,6	28,6
Microsoft	45,0	7,8
Cisco	38,8	4,6
Oracle	20,4	8,4
Google	18,8	20,3
Qualcomm	14,6	5,6
Dell	12,9	2,3

²⁴ См. «Bloomberg BusinessWeek». 24—30.10.2011. P. 32.

²⁵ См. «The Wall Street Journal» (Europe). 05.07.2012.

²⁶ См. «Bloomberg BusinessWeek». 15—28.08.2011. P. 20.

Итак, структурный кризис в США является следствием формационного прогресса американского капитализма. Кризис кризисом, а прогрессивный по своему объективному значению ИТ-уклад бурно развивался в течение всего этого периода²⁷. Этот кризис в такой тяжелой форме возник, прежде всего, в результате социально-политического фактора, из-за неспособности политической элиты США преодолеть свою мелко-травчатую грызню и сконцентрироваться на выработке и реализации крупномасштабной программы типа Плана Маршалла, который бывшие руководители США реализовали ради спасения Европы от опасности «сталинского коммунизма». Но сегодня вопрос стоит об аналогичной программе уже для спасения значительной части американского народа путем мер гармонизации перехода

от традиционного индустриализма к «новой экономике».

У Америки есть два пути, по которым этот переход может свершиться: сознательный, направляемый политической волей гармоничный переход и другой, традиционно-консервативный, чреватый страданиями и гибелью многих миллионов американцев. В последнем случае Америка бесславно подтвердит прогноз К. Маркса, сделанный им еще в середине XIX века:

«Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»²⁸. ◆

²⁷ По данным ЮНКТАД, потребление программного обеспечения и ИТ-услуг в США составляло 514,4 миллиарда долларов, а экспорт продуктов программного обеспечения оценивался в 13,4 миллиарда долларов. Соответствующие показатели по Китаю выглядят намного скромнее: 50,3 и 9,3 миллиарда долларов (см. «Коммерсантъ». 29.01.2012).

²⁸ **К. Маркс.** Будущие результаты британского владычества в Индии. — **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Сочинения. Изд. 2. Т. 9. С. 230.